

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Т $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памят- ников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюр- кизмов в русском языке	33
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятни- ков тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохта- мыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоко- ведения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. Г. Кляшторный (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.)	254
Л. П. Потапов (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных	265
С. М. Абрамзон (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье	287
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск), С. Г. Кляшторный (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья	305
А. Д. Грач (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла	
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии	334
Л. Г. Савинов (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время	339
Ю. И. Трифонов (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугу)	351
Р. А. Гусейнов (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье	375
А. Д. Новичев (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект	382
Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем	395
Список сокращений	401

ХРОНИКА

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Третья тюркологическая конференция	403
---	-----

В. Г. Гузев

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЯЗЫКУ ТЮРКОВ МАЛОЙ АЗИИ XIII—XVI вв.¹

Первые попытки изучения тюркского языка Малой Азии делаются в Европе в XVI в. Пособие для изучения этого языка, составленное в 1533 г. Ф. Ардженти, секретарем флорентийского консульства в Стамбуле², первая грамматика, написанная в 1611 г. итальянским монахом П. Феррагути³, грамматика и словарь Ф. Менинского (впервые изданы соответственно в 1660 и 1680 гг.)⁴ объективно являются для современного читателя работами, в которых собран материал по истории языка, хотя их авторы преследовали, разумеется, другие цели.

До 1890 г. исследований в интересующей нас области нет. Можно назвать лишь несколько публикаций, которые знакомили европейцев с малоазиатско-тюркскими литературными памятниками⁵.

В 1890 г. В. В. Радлов написал статью о тюркских стихах в венской рукописи «Ребаб-наме» Султана Веледа⁶. В ней приводится текст стихов по рукописи (стр. 19—26), исследу-

¹ Настоящий обзор не преследует своей целью назвать все труды, посвященные изучению староанатолийско-тюркского языка. Его задача — рассмотреть наиболее важные работы, которые, по мнению автора, являются главными вехами истории исследований в этой области.

² См. ниже, стр. 84—85.

³ См.: A. Bombaci, Padre Pietro Ferraguti e la sua Grammatica turca (1611). — «Annali del R. Istituto Superiore Orientale di Napoli». Nuova Serie, Roma, 1940, vol. I, стр. 205—236.

⁴ См.: А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, стр. 11—12; см. также: J. Deny, L'osmanli moderne et le türk de Turquie, — PhTF, I, 1959, стр. 222.

⁵ О первых работах, знакомивших европейцев с литературой малоазиатских тюрков, см.: В. Д. Смирнов, Очерк истории турецкой литературы, — «Всеобщая история литературы...», вып. XXV, СПб., 1891, стр. 430—431.

⁶ W. Radloff, Über alttürkische Dialekte, I. Die seldschukischen Verse im Rabâb-Nâmeh, — «Mélanges asiatiques», St.-Pbg., 1890, X, I, стр. 17—77.

ются фонетические особенности их языка (стр. 26—34). Ученый замечает, что попыткам транскрибирования текста должен предшествовать его фонетический анализ⁷, и эта мысль определяет в основном композицию его работы. На стр. 34—59 В. В. Радлов собрал тюркскую лексику «сельджукских стихов». Слова записаны в «радловской» транскрипции, приводятся их немецкие эквиваленты. После «обзора грамматических форм» (стр. 59—68), в котором все формы также транскрибированы, как завершение работы помещена транскрипция самих стихов (стр. 68—77).

Эта работа является началом, отправной точкой исследований в области истории тюркских языков южной (огузской) группы. Весьма важной является попытка ее автора проникнуть в фонетический строй языка, на котором написаны стихи (XIII—XIV вв.). В. В. Радлов проделал это смело, но в то же время с надлежащей научной осторожностью. И эта попытка ценна, может быть, не столько своими фактическими результатами, сколько с методологической точки зрения.

Вслед за статьей В. В. Радлова появилась работа К. Залемана «Еще раз о сельджукских стихах»⁸. Он сделал описание петербургской рукописи «Ребаб-наме» (стр. 174—178), принадлежавшей Азиатскому музею (под № 192)⁹, опубликовал сотый раздел произведения (стр. 179—194), включающий тюркские стихи (162 бейта). Рукопись датирована 1017/1609 г.; текст не огласован. Ученый сделал перевод всего раздела на немецкий язык и высказал свои замечания относительно чтения и толкования различных мест и грамматических форм текста (стр. 208—222). В работе имеются дополнения к списку тюркских слов из «сельджукских стихов» (стр. 222—237), составленному В. В. Радловым (см. выше). В приложении к статье (стр. 237—245) К. Залеман описал будапештскую рукопись «Ребаб-наме», переписанную в XIV в., опубликовал содержащиеся в ней греческие стихи, приведя параллельно два текста: арабскими и греческими буквами, сделал перевод этих стихов.

В 1895 г. П. М. Мелиоранский сообщил ученому миру о «рукописи, содержащей сборник стихотворений, написанных на языке, ближе всего подходящем к староосманскому», которую он обнаружил в Британском музее¹⁰. П. М. Мелиоран-

⁷ Там же, стр. 17—18.

⁸ C. S a l e m a n n. Noch einmal die Seldschukischen Verse, — «Mélanges asiatiques», St.-Pbg., 1892, X, 2, стр. 174—245.

⁹ Там же, стр. 174.

¹⁰ П. М. Мелиоранский, Отрывки из дивана Ахмеда Бурханеддина Сивасского, — «Восточные заметки». Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета, СПб., 1895, стр. 131—152.

ский сделал описание рукописи, установил, что она была написана еще при жизни автора стихов и предназначалась для него самого. Написал их «кадий, а впоследствии султан»¹¹, носивший прозвище Бурханеддин Сивасский (убит предположительно в 800/1398 г.). Ученый сделал литературоведческие замечания о стихах, указал на их наиболее важные, по его мнению, языковые особенности. На стр. 137—152 работы приводятся отрывки из рукописи (рубаи и туюги) и их перевод на русский язык. Описанная П. М. Мелиоранским рукопись очень ценна с лингвистической точки зрения, потому что она является не испорченным более поздними переписчиками языковым памятником XIV в. К тому же «почти полная вокализация»¹² текста и «довольно строго выдержанное правописание»¹³ имеют большое значение как с точки зрения исторической фонетики, так и с точки зрения истории орфографии.

Нельзя изучать историю анатолийско-тюркского языка, не познакомившись с замечательной монографией П. М. Мелиоранского¹⁴. Читатель находит в ней много глубоких, интересных мыслей и замечаний по различным общим и частным вопросам тюркского языкознания. Книга ценна и своим фактическим материалом. Она посвящена грамматическому сочинению Джамал ад-дина Ибн Муханны¹⁵, которое «написано, вероятно, в северо-западной Персии в эпоху Хулагуидов не позже XIV века, а может быть даже в конце XIII-го»¹⁶ и представляет собой описание современного автору тюркского языка, распространенного на указанной территории. С. Е. Малов делает об этом языке следующее заключение: «...если прав проф. П. М. Мелиоранский, относя описываемый известными ему пятью рукописями язык к языку староазербайджанскому, то думаю, что не погрешу и я, если назову теперь тот язык, который так рельефно выступает в шестой рукописи сочинения Ибн-Муханны и, предполагая, выступал и у самого Ибн-Муханны (а не у его переписчиков), восточно-туркестанским, кашгарским и уйгурским»¹⁷.

¹¹ Там же, стр. 131.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 136.

¹⁴ П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, СПб., 1900.

¹⁵ Об этом сочинении см.: Н. А. Баскаков, *Введение в изучение тюркских языков*, М., 1969, стр. 73. Библиография там же, прим. 1, 2.

¹⁶ П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке*, стр. XVI.

¹⁷ С. Е. Малов, *Ибн-Муханна о турецком языке*, — ЗКВ, 1928, III, 2, стр. 247.

П. М. Мелиоранский опубликовал само сочинение арабского грамматиста (стр. 1—85), используя для этого пять рукописей (три оксфордские, одну берлинскую и одну парижскую), которые он описал на стр. XII—XIV, перевел арабский текст на русский язык, сопроводив перевод ценными замечаниями (стр. 01—043). В работе имеется также переработка фонетико-грамматической части сочинения по европейской системе, представляющая собой, по сути дела, толкование труда арабского ученого (стр. XXII—XXXIV). Весь тюркский лексический материал, содержащийся в сочинении, собран в книге в двух глоссариях (стр. 044—0122).

Необходимо подчеркнуть ценность монографии П. М. Мелиоранского и в плане ознакомления европейского читателя с арабской грамматической школой. В ней сообщаются некоторые сведения о достижениях арабских ученых, названы их наиболее древние и известные работы о тюркских языках (стр. I—XI). «Филологические сочинения (в особенности более древние) некоторых арабских языковедов, посвященные современному им турецкому языку», П. М. Мелиоранский называет «весьма ценным» видом источников для изучения истории турецкого языка¹⁸.

Вторым — после работы В. В. Радлова о тюркских стихах Султана Веледа — трудом, специально посвященным лингвистическому исследованию малоазиатского памятника, является монография Г. Вамбери¹⁹. Ее автор знакомит читателя с текстом второго рассказа, содержащегося в малоазиатском сборнике рассказов, который носит общее название «Радость после страдания». Хотя, по сообщению Г. Вамбери, этот сборник не оригинален и представляет собой перевод с персидского, он относится к шедеврам малоазиатской художественной прозы. Ученый пишет, что в европейских библиотеках имеется много списков этого произведения. Текст использованной для работы рукописи, принадлежавшей лично Г. Вамбери (247 листов), полностью огласован. Рукопись содержит 42 рассказа; некоторые из них происходят из сборника «Сказок сорока везиров». Сама рукопись написана в 1451 г., создание же анатолийского варианта этого сборника автор монографии относит к XIV в.²⁰

В работе уделяется внимание фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям языка памятника (стр. 7—35). Публикация текста занимает стр. 37—61. Имеется его транскрипция, перевод (стр. 63—111) и «староосман-

¹⁸ П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. IV.

¹⁹ H. V á m b é r y, Altosmanische Sprachstudien, Leiden, 1901.

²⁰ Там же, стр. 4—5.

ско»-немецкий словарь (стр. 141—215), в котором обработан лексический материал текста. Назначение помещенного на стр. 113—137 текста на современном Вамбери азербайджанском языке, «взятого из народных уст»²¹, состоит, по его мнению, в том, чтобы сделать для читателя возможным сравнение очень близких между собой современных османского и азербайджанского языков²².

Интересны мысли ученого о генетических связях малоазиатско-тюркского языка и предположения о времени первого проникновения тюрков в Малую Азию. Он высказывает гипотезу о том, что турки появились там задолго до IV в. х., и пишет, что это подтверждается анализом «староосманской» морфологии и лексики²³. Г. Вамбери указывает на два важных, по его мнению, лингвистических момента: во-первых, в анатолийском языке есть такие коренные слова, которые встречаются только в современных ему уйгурском и алтайском языках; во-вторых, в нем имеются такие формы, как, например, глагольные на *-sar/-ser* и *-si* (т. е. на *-asi*), которые сближают его с языком орхонских надписей. «Эта аналогия или тесное родство, проявляющееся в конечных звеньях далеко протянувшейся тюркской языковой цепи,— пишет Г. Вамбери,— оправдывает предположение, что ядро народа, известного под собирательным названием „османы“, отделилось от основной части тюрков раньше, чем известные под различными наименованиями промежуточные звенья, у которых совершенно отсутствуют именно такие точки сближения, как причастие на *sar, ser*»²⁴.

Нельзя также не обратить внимания на следующее предположение автора работы, которое он делает на основании анализа языковых особенностей памятника: «По-видимому, скорее сами сельджуки, составляющие часть туркмен, растворились в диалектном отношении среди тюркских братьев, которых они там (в Малой Азии.— В. Г.) застали, чем *vice versa*, потому что, если бы это было не так, то староосманский язык должен был бы обнаруживать большее сходство с современным туркменским, чем с древнетюркским»²⁵.

Монография Г. Вамбери используется большинством последующих исследователей языка малоазиатских тюркских памятников. Критические замечания на эту книгу высказаны в рецензии П. М. Мелиоранского²⁶.

²¹ Там же, стр. 25.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 16—18, 23—25, 29—30.

²⁴ Там же, стр. 24.

²⁵ Там же, стр. 29.

²⁶ ЗВОРАО, 1902, XIV, стр. 0136—0138.

Крупным вкладом в дело изучения анатолийского языка XV в. явилась работа К. Фоя о двух османских транскрипционных текстах, написанных готическими буквами²⁷. Тексты представляют собой два небольших (всего 64 строки) стихотворения неизвестного поэта — по мнению К. Фоя, возможно, Юнуса Эмре, помещенных в написанном в XV в. неизвестным автором трактате «*Tractatus de moribus conditionibus et nequitia Turcogum*», довольно широко распространенном в Европе в виде большого числа инкунабул. К. Фой тщательно изучил целый ряд вопросов, связанных с этими стихами: об авторе трактата, о происхождении стихов и поэте, создавшем их, и т. д.²⁸. Но выяснение этих вопросов целиком направлено на то, чтобы как можно лучше разобраться в языковых особенностях текстов. В работе приводится текст стихов и их латинский перевод (MSOS, IV, стр. 243—246), сделанный автором трактата, имеется также немецкий перевод, выполненный К. Фоем (т. IV, стр. 255—256; т. V, стр. 250—252). Ученый дважды делает в своей работе (т. IV, стр. 246—250, 256—259; т. V, стр. 247—250) попытку реставрировать турецкий текст: восстановить его звучание, передав его в транскрипции, и записать текст арабицей.

Отрезок времени между выходом в свет IV и V томов журнала, в котором печаталась его статья, позволил автору получить отзывы на первую часть работы, лучше разобраться в целом ряде вопросов, поэтому во второй части он исправил ошибки и неточности, допущенные в первой. Большой интерес представляет анализ фонетических (MSOS, IV, стр. 259—277), морфологических, синтаксических и даже стилистических особенностей языка транскрипционных текстов (MSOS, V, стр. 268—280), а также глоссарий (MSOS, V, стр. 281—292).

Работа К. Фоя имеет большую ценность с той точки зрения, что она вводит в арсенал средств для изучения истории анатолийского языка новые транскрипционные тексты. Безусловно, прав П. М. Мелиоранский, который писал о ненадежности этого рода памятников²⁹. Но анализ наших источников показывает, что при попытке изучения фонетики староготическо-турецкого языка ни один их вид не дает исследователю уверенности в надежности получаемых результатов. Это наводит на мысль, что не следует абсолютизировать ни

²⁷ K. Foy, Die ältesten osmanischen Transkriptionstexte in gothischen Lettern.— MSOS, 1901, Jg. IV, Westas. Studien, стр. 230—277; MSOS, 1902, Jg. V, Westas. Studien, стр. 233—293.

²⁸ K. Foy, Die ältesten osmanischen Transkriptionstexte.— MSOS, IV, стр. 230—242.

²⁹ П. М. Мелиоранский. Араб филолог о турецком языке, стр. IV.

один из видов источников. Самыми надежными будут лишь те выводы, которые находят подтверждение как в текстах, написанных арабицей (и прозаических, и стихотворных), так и в транскрипционных текстах, а также в трудах грамматистов, живших в XI—XVII вв. Важно также обращаться к материалам по истории других тюркских языков, как это делает В. В. Радлов в статье о «сельджукских стихах».

В работе К. Фоя мы видим именно такое обращение к другим памятникам, которое служит ему средством для лучшего изучения языка анализируемого им текста. Среди них записанный греческими буквами малоазиатский перевод изложения христианской веры, написанного для султана Мехмеда II константинопольским патриархом Геннадием вскоре после падения византийской столицы и переведенного «Ахмедом Кадием Веррийским, отцом Махмуда Кятиб Челеби»³⁰, известного османского историка.

В. Д. Смирновым были впервые описаны особенности языка (архаизмы в правописании, фонетике, морфологии и лексике) петербургской рукописи «Сказания о Мелике Данышменде», написанной в 1622 г.³¹

Некоторые полезные замечания о языке малоазиатского перевода хроники Ибн Биби по тексту, помещенному в хрестоматии В. Д. Смирнова, который является отрывком из текста, опубликованного Хаутсмой³², содержатся в статье В. А. Гордлевского³³, посвященной главным образом историко-филологическому анализу текста хроники.

В 1914 г. В. Д. Смирнов описал обнаруженную им в Британском музее «древнейшую турецкую рукопись», датированную 731/1331 г., являющуюся, по его мнению, автографом³⁴. Она представляет собой перевод с арабского «довольно большого комментария к классическому в своем роде стихотворному произведению знаменитого ученого Абу-Хафс-Омара Нэсефи»³⁵ (ум. в 1142 г.). Перевод основного текста Нэсефи

³⁰ Н. Ильминский, Предварительное сообщение о турецком переводе изложения веры патриарха Геннадия Схолария, Казань, 1880, стр. 1. В этой работе указаны другие публикации памятника.

³¹ В. Д. Смирнов, Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. *Calepinus Cyriscelebes*, — ЗВРАО, 1908, XVIII, стр. 28—31.

³² M. Th. Houtma, Recueil de Textes relatifs à l'histoire des Seldjucides, vol. III, pt 1. Histoire des Seldjucides de l'Asie Mineure. Texte turc publié d'après les mss. de Leide et de Paris, Leide, 1891.

³³ В. А. Гордлевский, Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазийских сельджукидов, так называемой хроники Ибн Биби, — «Древности восточные». Труды Восточной комиссии имп. Московского археологического общества, М., 1913, IV, стр. 1—15.

³⁴ В. Д. Смирнов, Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в., — ЗВРАО, 1914, XXII, стр. 107—125.

³⁵ Там же, стр. 110.

сделан стихами, а перевод комментария — прозой. Выполнен он судьей города Хами Ибрагимом ибн Мустафой ибн Алиширом Амулейфедави. Текст рукописи составляет 153 листа размером 27×17 и 20×14 см, по 19 строк на странице, с тщательной огласовкой. Главное внимание в статье уделено лингвистическому анализу текста. Остановившись на орфографических, фонетических и морфологических особенностях языка рукописи (стр. 115—124), ученый отметил, что «большинство особенностей в начертании слов и грамматических архаизмов», которыми отличается будапештская рукопись «Гариб-наме» и петербургская «Сказания о Мелике Данышменде», встречается и в лондонской рукописи³⁶. В. Д. Смирнов пришел к выводу, что описанная им рукопись является «памятником несомненной важности, заслуживающим более тщательного изучения его»³⁷. Он призвал ученых изучать языковые особенности рукописи путем их сопоставления с данными других древних памятников, родственных языков и с материалами орхонских надписей³⁸.

Глубокое лингвистическое осмысление многих особенностей староанатолийско-тюркского языка, при широком использовании данных как его истории, так и других тюркских языков, содержится в статье крупного немецкого востоковеда К. Брокельмана «О некоторых проблемах грамматики османотюркского языка»³⁹.

Характерным для этой работы является глубокое понимание процессов, происходящих в языке, осмысление языковых особенностей на фоне его динамики с учетом неразрывной связи и взаимозависимости процессов в фонетике, морфологии и синтаксисе. История языка и его данное состояние, синхрония и диахрония, рассматриваются в неразрывном, взаимопроникающем единстве: автор привлекает как данные языковых памятников, так и диалектологические материалы.

Следующий крупный вклад в изучение малоазиатско-тюркского языка К. Брокельман внес своей статьей о языке Ашика Паши и Ахмеди⁴⁰. Ученый рассматривал свои исследова-

³⁶ Там же, стр. 115—116.

³⁷ Там же, стр. 124—125.

³⁸ Там же.

³⁹ C. Brockelmann, Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen, — ZDMG, 1916, LXX, стр. 185—215.

⁴⁰ C. Brockelmann, Altosmanische Studien, I. Die Sprache Aşyq-pāšā's und Ahmedi's, — ZDMG, 1919, LXXIII, стр. 1—19. Труд К. Брокельмана «Alī's Qışsa'ı Jūsuf...» (Berlin, 1917) не включен в настоящий обзор литературы, так как произведение «Кисса-и Юсуф» («Сказание об Иосифе») Али, по мнению ряда ученых, не является анатолийско-тюркским памятником. См.: Д. ж. Алмаз, «Кисса-и Юсуф» Али — болгаро-татарский памятник, — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963, стр. 382—388.

ния в этой области как подготовительную работу по созданию исторической грамматики «османо-тюркского» языка⁴¹. Впоследствии так же мотивируют свои исследования почти все ученые, создававшие труды по истории анатолийско-тюркского языка.

Названная работа по замыслу автора имела целью способствовать выяснению того, как возник анатолийский литературный язык. Именно поэтому в ней исследуются два памятника XIV в.: «Гариб-наме» Ашика Паши (произведение создано в 1330 г.) и «Искендер-наме» Ахмеди (создано в 1390 г.). К. Брокельман использовал четыре рукописи «Гариб-наме», находившиеся в Готе, Берлине, Дрездене и Гёттингене, и три готские рукописи «Искендер-наме». Их описаний автор не делает.

Ученый исследовал фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности языка памятников. Он широко привлекает материалы других тюркских памятников.

В 1919 г. вышла в свет работа Ю. Немета о языке стихотворного произведения «Ферах-наме», созданного в 1425–26 г. Ибн Хатибом⁴². В ней имеется описание использованной Ю. Неметом рукописи Венгерской Академии наук (переписана в 1521–22 г.), выясняется вопрос о ее переписчике и авторе произведения (стр. 145–148). Текст рукописи тщательно огласован. В грамматическом очерке (стр. 148–154) уделяется внимание фонетическим и морфологическим особенностям текста. На стр. 154–164 имеется словарь. Автор приводит отрывки из рукописи и дает их перевод на немецкий язык (стр. 164–184).

Для разработки вопросов, связанных с синтаксисом малоазиатско-тюркского языка, безусловно полезными являются наблюдения, сделанные К. Брокельманом в первой части его небольшой работы «Тюркологические исследования»⁴³, озаглавленной «Номинализация предложений» (стр. 212–214). Здесь говорится о том, что как в «старо-», так и в «новоосманском» языке отдельные синтаксические конструкции, которые автор называет предложениями, могут приобретать функции, свойственные имени, т. е. оформляться послелогоми, высту-

⁴¹ C. Brockelmann, *Altosmanische Studien*, I, стр. 1.

⁴² J. Németh, *Das Ferah-nâme des Ibn Hatib*, — «Le Monde orientale», Uppsala, 1919, XIII, 3, стр. 145–184. Транскрипция отрывка из этой рукописи была опубликована Ю. Неметом в статье: J. Németh, *Zum Begriff der tawba. Ein Beitrag zu den christlich-mohammedanischen Beziehungen*, — «Festschrift Georg Jacob zum siebzigsten Geburtstag...», hrsg. von Theodor Menzel, Leipzig, 1932, стр. 200–208.

⁴³ C. Brockelmann, *Türkologische Studien*, — ZDMG, 1920, LXXIV, стр. 212–215.

пать в роли подлежащего, обстоятельства, развернутого дополнения, определения.

Во второй части работы, озаглавленной «К вопросу об этимологии глаголов со значением „делать“» (стр. 214—215), выясняется происхождение глаголов *äjlä-* (вслед за Бангом из *ädlä- <äd- + lä-, äd-* сохранилось в *ädgü*) и *ät-* (из *it-* со значением, по Махмуду Кашгарскому, «делать что-либо удачным»).

Статья К. Брокельмана «Новый южнотюркский языковой памятник»⁴⁴ знакомит читателя с особенностями языка 55 довольно примитивных тюркских стихов, содержащихся в поэтическом диване Сайфадинна ал-Малика ал-Кямиля (1432—1442), одного из последних айюбидских правителей, живших в XV в. в Месопотамии. Ученый работал по берлинской рукописи дивана, описанной В. Альвардтом⁴⁵. К. Брокельман сделал анализ орфографии памятника, направленный на установление фонетических особенностей языка, описал морфологические, синтаксические и лексические особенности (стр. 173—182). Он пришел к выводу, что язык памятника очень близок к «османскому», но многие явления сближают его с другими тюркскими языками, особенно с азербайджанским.

Среди перечисленных работ мы имеем только две крупные монографии: П. М. Мелиоранского («Араб филолог о турецком языке») и Г. Вамбери, причем только работа последнего автора специально посвящена изучению староанатолийского памятника. Следующей монографией, посвященной изучению староанатолийского памятника, является труд Г. Дуды о языке «Сказок сорока везиров»⁴⁶. Как установил ученый, анатолийский вариант этого произведения возник в середине XV в. Впервые оно было переведено Ахмеди Мысри, затем подверглось редакции Шейх-заде, выполненной для султана Мурада II (1421—1451)⁴⁷.

Г. Дуда сопоставил между собой тексты многих рукописей (их список помещен на стр. 16—19), но в основном работа базируется на тексте Бельтета, наиболее старом. Выбор именно этого памятника Г. Дуда мотивирует тем, что произведение написано простым, близким к народному, языком. Основное внимание в работе уделяется морфологическим осо-

⁴⁴ C. Brockelmann, Ein neues südtürkisches Sprachdenkmal, — «Islamica», Lipsiae, 1930, IV, 2, стр. 170—182.

⁴⁵ W. Ahlwardt, Verzeichnis der arabischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin, VII, Berlin, 1895, стр. 93.

⁴⁶ H. W. Duda, Die Sprache der *Qyṭq* Vezir-Erzählungen, T. I, Leipzig, 1930.

⁴⁷ Там же, стр. 20—28.

бенностям языка (стр. 41—122), но на стр. 30—41 имеются замечания по орфографии и фонетике.

Большая заслуга в изучении староанатолийского языка принадлежит крупному польскому тюркологу А. Зайончковскому, написавшему две монографии под общим названием: «Исследования староосманского языка». Первая из них посвящена изучению языка малоазиатского варианта сборника сказок о Калиле и Димне⁴⁸.

Из предисловия к книге читатель узнает, что, находясь в 1930 г. в Турции, автор посвятил себя изучению староанатолийских памятников и переписал две рукописи двух памятников, хранившиеся в стамбульских библиотеках. Произведения были созданы в различное время — одно в XIV в., другое — в первой половине XV в., в «разных центрах политической и духовной жизни тогдашней Малой Азии, какими являлись дворы провинциальных правителей, эмиров или султанов»⁴⁹. Изучение этих памятников должно, по мнению автора, не только дать возможность получить сведения о староанатолийском литературном языке, но и вместе с тем составить представление о диалектных отношениях в Анатолии в XIV—XV вв. Он пишет, что оно крайне интересно и с точки зрения выяснения культурно-просветительской деятельности, и исторической роли удельных малоазиатских княжеств во времена первых правителей из рода Османа.

Первый из этих памятников — перевод с персидского языка известного сборника «сказок Бидпая», сделанный в XIV в., второй — перевод Корана с комментариями (тефсиром), относящийся к XV в.

А. Зайончковский приводит в работе текст третьей, четвертой и шестой глав сборника сказок о Калиле и Димне в собственной транскрипции по рукописи, которую он изучал в библиотеке «Lâleli», позднее вошедшей в состав библиотеки «Süleymaniye Kütüphaneciumumisi» в Стамбуле⁵⁰ (стр. 1—98). В описании рукописи (стр. VIII—XI) есть указание на то, что ее текст аккуратно огласован. В разделе «Время создания и автор перевода» (стр. XI—XIV) ученый выясняет, что перевод был сделан, очевидно, в 1330 г. неким Месудом по поручению Умур-бега, третьего правителя Юго-Западной Анатолии (территория, соответствующая приблизительно современным вилайетам: Измирскому, Айдынскому и Денизли) из династии Айдын Огуллары. Спорным остается вопрос,

⁴⁸ A. Zajączkowski, *Studia nad językiem staroosmańskim*. I. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny, Kraków, 1934.

⁴⁹ Там же, стр. VIII.

⁵⁰ Там же.

был ли это тот самый Месуд ибн Ахмед, который перевел поэму «Сухейл-ю Невбахар».

Весьма ценным является указание ученого на факты, которые говорят в пользу того, что оба переводчика — носители одного диалекта, происходят из одной культурной среды, и которые «нисколько не исключают идентичности этих авторов, напротив, создают основание, позволяющее ее предполагать»⁵¹. Стамбульская копия была написана в 1490 г., т. е. спустя более 150 лет, Исмаилом сыном Мухаммеда Кулагуза. «Однако мы имеем полное право утверждать, — замечает А. Зайончковский, — что переписчик не модернизировал памятник, а списал его со старой рукописи, самым тщательным образом сохраняя архаичные черты»⁵². Текст третьей главы рукописи, помещенный в книгу, снабжен указаниями на несовпадения его с текстом оксфордской рукописи сборника «сказок Бидпая», описания которой в работе не имеется. Есть указание, что она не датирована⁵³.

В четвертом разделе вступления, озаглавленном «Турецкий перевод и персидский оригинал» (стр. XV—XVIII), рассматривается вопрос об источниках персидского варианта произведения, с которого был сделан малоазиатский перевод, а также о влиянии персидского варианта на язык тюркского, которое особенно проявилось в словообразовании и синтаксисе. На стр. XX—XXII приводится список использованной литературы.

В работе имеется словарь (стр. 99—152). В него включены слова, не употребляющиеся в современном турецком языке. Приводятся польские и французские эквиваленты каждого тюркского слова. Некоторые словарные статьи снабжены иллюстративной фразеологией. «Заслуживает внимания то обстоятельство, — пишет автор, — что многие слова, не встречающиеся ныне в османском языке, употребленные, однако, в нашем памятнике, Махмуд ал-Кашгари относит к огузским словам... Это — неоспоримое доказательство языковой общности огузов и османских тюрков XIV века»⁵⁴. «С другой стороны, — продолжает А. Зайончковский, — значительное количество староосманских слов известно до сих пор в анатолийских диалектах...»⁵⁵.

Изучению фонетических и морфологических особенностей языка памятника посвящен раздел «Грамматические замечания» (стр. 153—187).

⁵¹ Там же, стр. XI.

⁵² Там же, стр. XIII.

⁵³ Об этой рукописи и литературу о ней см.: там же, стр. VII.

⁵⁴ Там же, стр. XIX.

⁵⁵ Там же.

Вся работа написана на польском языке, но в конце имеется резюме по-французски. Приложением к книге служат семь фотокопий некоторых страниц стамбульской и оксфордской рукописей.

Вторая монография А. Зайончковского посвящена изучению языка упомянутого перевода Корана с комментариями⁵⁶, имеющего название «Джевахир уль-асдаф» («Драгоценности раковин»). Вступление к этой работе, состоящее из шести подразделов (стр. V—XXI), написано по-французски. Автор мотивирует выбор этого памятника для исследования тремя обстоятельствами: 1) с лингвистической точки зрения он отражает арабское влияние на староанатолийский литературный язык (в отличие от предыдущего, который отражал персидское влияние); 2) арабский оригинал легко доступен; 3) этот текст происходит из другого района Анатолии, а как считает А. Зайончковский, нельзя отрицать влияния местной диалектной среды на лексические и морфологические особенности языка памятников⁵⁷.

Ученый выясняет, что исследуемый им перевод был сделан около 1405 г., во время правления эмира Исфендияра ибн Баязида, в северной части Анатолии (современные вилайеты: Кастамону, Чанкыры, Синоп и частично Зонгулдак)⁵⁸.

А. Зайончковский использовал для работы три рукописи⁵⁹. Первая из них была приобретена им в Стамбуле. Она не датирована, написана на бумаге, которая употреблялась в начале XVI в.; текст тщательно огласован. Вторая — рук. № 78 библиотеки Кылыча Али Паши (ныне в библиотеке «Sülemaniye») в Стамбуле, не датирована, текст очень тщательно огласован. Третья рукопись, принадлежащая Библиотеке ислама Варшавского университета (№ 135), переписана в 1499 г., текст огласован.

Весьма краткое описание орфографических, фонетических и морфологических особенностей языка памятника имеется в пятом подразделе вступления, озаглавленном «Грамматические замечания» (стр. XV—XIX). Критический текст 26 глав памятника занимает стр. 1—77. Затем следует словарь, аналогичный тому, который имеется в первой монографии ученого, но не включающий, однако, тех слов, которые вошли в этот последний. Ценным является то, что как в «Грамматических замечаниях», так и при характеристике лексики

⁵⁶ A. Zajączkowski, *Studia nad językiem staroosmańskim*. II. Wybrane rozdziały z anatolijskotureckiego przekładu Koranu, Kraków, 1937.

⁵⁷ Там же, стр. V—VI.

⁵⁸ Там же, стр. XII—XV.

⁵⁹ Там же, стр. X—XII («Описание рукописей»).

(стр. XX—XXI), автор указывает на факты, отличающие язык перевода Корана от языка сказок о Калиле и Димне.

Завершается работа двумя главами, написанными польски: «Фразеология и синтаксис» (стр. 99—102), «Интерпретация и комментарий» (стр. 102—108). В первой из них рассматривается вопрос о влиянии арабского синтаксиса на язык памятника; во второй — вопрос об источниках комментариев, вкрапленных в текст перевода Корана. Приложением к книге служат фотокопии трех различных страниц: двух из варшавской рукописи, одной из личной рукописи А. Зайончковского.

Докторская диссертация Г. Кисслинга представляет собой исследование главным образом морфологических особенностей языка хроники Ашикпашазаде⁶⁰. Правда, в ней имеется глава, в которой делается попытка выявить фонетические свойства языка памятника на основе орфографических особенностей (стр. 1—11), однако уже в самом начале автор пишет, что достигаемые при таком исследовании результаты могут иметь только гипотетический характер. Ученый работал по сводному тексту издания Ф. Гизе⁶¹. Сама хроника возникла в XV в., и, как пишет Г. Кисслинг, язык ее очень близок к языку «Сказок сорока везиров», изучению которого посвящена уже знакомая нам работа Г. Дуды⁶². В монографии Г. Кисслинга широко используются исследования его предшественников: работы Вамбери, Брокельмана, Дуды, Зайончковского, о которых говорилось выше, и др.⁶³. Она состоит из двух частей: первая посвящена особенностям языка прозаического текста той части хроники, которая доводит события до 890 г. х., во второй отдельно рассматриваются языковые особенности имеющих в этой части стихов.

В 1938 г. в Германии была опубликована на немецком языке большая монография турецкого ученого Т. Бангуоглу о языке поэмы «Сюхейл-ю Невбахар»⁶⁴, созданной Месудом ибн Ахмедом в середине XIV в. Ученый работал над памятником по факсимильному изданию рукописи Прусской государственной библиотеки (переписана, как полагает Т. Бангуоглу, в

⁶⁰ H. J. Kissling, Die Sprache des 'Āṣīkpaṣāzāde, Breslau, 1936.

⁶¹ F. Giese, Die altosmanische Chronik des 'Āṣīkpaṣāzāde, auf Grund mehrerer neuentdeckter Handschriften von neuem herausgegeben..., Leipzig, 1929.

⁶² См. выше, стр. 78—79.

⁶³ См.: H. J. Kissling, Die Sprache des 'Āṣīkpaṣāzāde, стр. 77—78 (список использованной литературы).

⁶⁴ T. Banguoğlu, Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar, Breslau, 1938.

1378 г.)⁶⁵, подготовленному Мордтманном⁶⁶. Текст этой рукописи полностью огласован.

Много интересных сведений и мыслей находит читатель во введении к работе (стр. 9—26). Здесь приводятся данные об авторе памятника, который жил, по мнению ученого, «во всяком случае в Западной или Центральной Анатолии, может быть, далеко от больших городов того времени, таких, как Конья, Бурса, скромно, замкнуто, почти не меняя местожительства». Он написал еще одно тюркское произведение — «Ферхенк-наме», изданное в 1914 г. Веледом Челеби и Килисли Рифатом⁶⁷. Во введении имеется описание рукописи, выясняется стихотворный размер поэмы, решается вопрос о времени переписки, о персидском оригинале, послужившем источником для анатолийского варианта, содержится характеристика стиля произведения. Т. Бангуоглу отмечает, что язык Месуда ибн Ахмеда представляет собой «диалект, оставшийся относительно чистым от иностранных влияний, в котором мы еще находим много архаизмов из более древнего огузского языка»⁶⁸.

Очень интересные мысли высказывает ученый в подразделе введения, озаглавленном «О староосманском языке» (стр. 22—25). Здесь он излагает свое мнение о том, какие этапы прошел в своем развитии анатолийско-тюркский язык, как развивалась его письменность, о возникновении современных диалектов, о складывании литературного языка. Вот главные из этих мыслей.

Пришедшие в Малую Азию тюрки не имели никакой письменной традиции. Среднеазиатское влияние проявляется только в стихах Джелялеddина Руми и Султана Веледа. Другие поэты попросту транскрибировали свое произношение арабскими буквами, заботливо применяя диакритические знаки. Поэтому хорошо огласованный староанатолийский текст можно рассматривать как примитивный транскрипционный текст, что очень важно для науки. В «среднеосманском» языке написание слов стабилизируется, становится устойчивым, и знаки огласовки отпадают, — фонетику языка этого периода изучать трудно.

Каждый поэт писал на своем диалекте, но языковые раз-

⁶⁵ Там же, стр. 16.

⁶⁶ J. H. Mordtmann, «Suheil und Nevbehâr». Romantisches Gedicht des Mes'ûd b. Ahmed (8 Jhdt. d. H.). Nach der einzig erhaltenen Handschrift in der Preuss. Staatsbibliothek. Mit einem Geleitwort von J. H. Mordtmann, Hannover, 1925.

⁶⁷ Velet Çelebi, Kilisli Rifat, Ferhenknamei Sadi Tercümesi, Istanbul, 1924.

⁶⁸ T. Banguoglu, Altosmanische Sprachstudien, стр. 18.

личия между отдельными племенами были ничтожны. Современные диалекты являются, по-видимому, результатом вторичного диалектного дробления анатолийского языка.

Литературный язык развился на основе огузского диалекта. Языки других племен — кыпчаков, карлуков и пр. — сыграли, по-видимому, очень малую роль в формировании анатолийских диалектов, зато большое влияние они оказали на более восточные диалекты и на литературный азербайджанский язык.

Староанатолийские языковые памятники не поддаются подразделению их по диалектным признакам. Все они написаны в основном на одном диалекте.

Уже с середины XIII в. в Анатолии существовала слабая литературная традиция, которая не была распространена широко, однако образовала ядро литературного османского языка. С начала XIV в. она получает распространение среди маленьких княжеств. Известные поэты, вероятно, все оказываются под ее влиянием. Но этот язык был еще далек от того, чтобы быть единым литературным языком. Он отражает состояние разговорного языка, и в нем встречаются некоторые диалектные или предпочитаемые теми или иными авторами формы. Народные произведения, как «Книга моего деда Коркута», и литературные, созданные в отдаленных областях, остаются вне этой традиции. К памятникам такого рода относятся и «Сюхейл-ю Невбахар».

Монография Т. Бангуоглу распадается на две части: «Фонетика» (стр. 27—75) и «Морфология» (стр. 76—159). Это первое среди работ по истории анатолийско-тюркского языка сочинение, в котором фонетические особенности языка памятника изучаются столь же уверенно и основательно, как и морфологические. Впервые изложение фонетики систематизировано. Описанию морфологического материала ученый постарался придать «методический» характер, что, по его замыслу, должно быть полезным «для будущего автора староосманской грамматики»⁶⁹.

В том же 1938 г. вышла в свет работа итальянского тюрколога А. Бомбачи об упоминавшемся выше самом раннем европейском пособии для изучения анатолийско-тюркского языка, составленном Ф. Ардженти в 1533 г.⁷⁰

Во введении к этой работе (стр. 5—17) имеется описание рукописи пособия Ф. Ардженти, хранящейся в Центральной Национальной библиотеке во Флоренции; сообщаются сведе-

⁶⁹ Там же, стр. 25—26.

⁷⁰ A. Bombaci, La «Regola del parlare Turcho» di Filippo Argenti, Napoli, 1938.

ния об авторе сочинения; дается оценка пособия с лингвистической и исторической точек зрения; приводится текст обращения Ф. Ардженти к флорентийскому вельможе Родольфо Лотти, которое помещено в самом начале сочинения, и описываются графические приемы, с помощью которых Ф. Ардженти передавал на письме тюркские фонемы.

А. Бомбачи видит заслугу Ф. Ардженти в том, что он живо и достаточно верно обрисовал турецкий язык, на котором говорили в Стамбуле в начале XVI в. «Единственным источником составителя пособия был живой разговорный язык, и Ф. Ардженти передал его с точностью, которая свидетельствует о его тонком слухе»⁷¹.

В первой части работы А. Бомбачи (стр. 19—35) приводятся образцы текста; вторая часть (стр. 37—75) посвящена описанию фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей языка стамбульцев начала XVI в.

Одно из наиболее важных исследований в области истории развития анатолийско-тюркского языка — работа В. Хеффенинга, который изучил транскрипционные тексты Бартоломея Георгиевича, записанные латиницей по правилам венгерской орфографии XVI в., являющиеся памятником анатолийского языка первой половины XVI в.⁷²

Во введении к работе (стр. 1—15) автор говорит о значении транскрипционных текстов для историко-лингвистических исследований, называет все известные ему анатолийско-тюркские транскрипционные тексты и посвященные им исследования, высказывает свои замечания, касающиеся некоторых из этих работ, излагает историю их возникновения. Он приводит также сведения об авторе текстов. По мнению В. Хеффенинга, тексты Б. Георгиевича представляют собой не транскрипцию, а транслитерацию.

В разделе «Источники текстов» (стр. 16—19) В. Хеффенинг называет все их публикации, которые были им использо-

⁷¹ Там же, стр. 9. Здесь же имеется перечень работ о языке тюрков Малой Азии XVI в. (см. прим. 1).

⁷² Die türkischen Transkriptions-texte des Bartholomaeus Georgievits aus den Jahren 1544—1548. Ein Beitrag zur historischen Grammatik des Osmanisch-Türkischen von W. Heffening, — «Abh. f. d. Kunde d. Morgenlandes», Leipzig, 1942, Bd. 27, H. 2. Ср.: J. Németh, Zu den türkischen Aufzeichnungen des Georgievits, — «Charisteria Orientalia praecipue ad Persiam pertinentia» (сборник посвящен проф. Яну Рыпке), Praha, 1956, стр. 202—209; е го же, Die türkische Sprache des Bartholomaeus Georgievits, — «Acta Ling. Hung.», Budapest, 1968, T. 18 (3—4), стр. 263—271. О текстах Б. Георгиевича (Джурджевича) в советской литературе см.: А. Е. Крымский, Вступ до исторії Туреччини, вып. 3, Київ, 1926, стр. 85—96; Н. К. Дмитриев, Османские глоссы XVI века, — «Доклады АН СССР», сер. В, Л., 1926, июль—август, стр. 100—102.

ваны, отмечая при этом, что он использовал только те, в которых принял участие сам Георгиевич.

Тексты, которые Хеффенинг снабдил современной латинизированной транскрипцией тюркских слов, занимают стр. 20—32. Имеются также замечания к текстам, касающиеся в основном неточностей в латинском переводе турецких слов и выражений, сделанном Б. Георгиевичем (стр. 33—39).

Непосредственно лингвистическое исследование, озаглавленное «Язык текстов» (стр. 40—89), распадается на семь подразделов: «Транскрипция», «Гласные», «Гармония гласных», «Согласные», «Морфологические особенности», «Синтаксические особенности», «Лексические особенности».

В разделе «Оценка языковых отрывков» (стр. 90—93) В. Хеффенинг говорит о степени надежности текстов Б. Георгиевича как источника сведений об анатолийско-тюркском языке XVI в. и о тех диалектных особенностях, которые нашли свое отражение в текстах.

В разделе «Георгиевич — один из неизвестных донные источников Мегизера» (стр. 94—97) автор работы утверждает, что тексты, о которых идет речь, явились одним из источников, использованных И. Мегизером для создания его «*Institutiones Linguae Turcicae*» (Leipzig, 1612).

Завершается труд В. Хеффенинга «Глоссарием», являющимся одновременно и лексико-грамматическим указателем ко всей работе (стр. 98—124).

В 1951 г. в одном томе журнала «*Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi*», периодического издания филологического факультета Стамбульского университета, были опубликованы две статьи, заслуживающие всяческого внимания.

Одна из них под названием «Начало и развитие тюркского письменного языка в Анатолии» написана Медждудом Мансуроглу⁷³.

Автор обращается к языку анатолийских поэтов XIII в. Джеляледдина Руми, Султана Веледа, Ахмеда Факиха, Шейяда Хамзы и Деххани. В нем он находит как особенности, сближающие его со среднеазиатским литературным языком, так и черты, свидетельствующие о его родстве с огузским, кыпчакским, суварским и туркменским «диалектами» (ağızlar). Кроме того, в этом языке М. Мансуроглу обнаруживает формы, которые почти не встречаются в других тюркских языках. Описанные наблюдения позволяют автору полагать, что еще до прихода тюрков в Малую Азию в Средней Азии наряду со старым литературным языком существовал дру-

⁷³ M. Mansuroğlu, Anadolu Türk yazı dilinin başlanması ve gelişmesi, — TDED, 1951, IV, 3, стр. 215—229.

гой язык, близкий к нему, но имевший также особенности, сближавшие его с перечисленными «диалектами». На этом языке в Хорасане и в Малой Азии развилась мусульманская литература, которая в XIII в. достигла своего совершенства. В этой связи М. Мансуроглу пишет, что Джеляледдин Руми и Деххани переселились в Малую Азию из Хорасана, а А. Факих считал самыми важными странами своего времени Сирию (Şam) и Хорасан.

По мнению М. Мансуроглу, язык анатолийских произведений XIV в., на каком бы диалекте они ни были созданы, в общем тот же, что и язык поэтов XIII в. Только из него уже исчезли черты среднеазиатского литературного языка. Как пишет автор, есть основание думать, что использовавшаяся поэтами XIII в. письменность продолжала существовать в Анатолии и в последующие века, а в языке долгое время продолжали употребляться лексика и морфологические показатели, характерные для огузского и родственных ему «диалектов».

Предлагая изложенную концепцию, М. Мансуроглу допускает правильность «распространенной» (umumi) точки зрения, заключающейся в том, что в Малую Азию переселились огромные массы тюркских кочевых племен с очень низким уровнем цивилизации, «забывшие традиции старого литературного языка». Он пишет, что эти турки, возможно, вообще не были представителями «старой тюркской цивилизации». В условиях отдаленности Анатолии от областей распространения среднеазиатской литературы и близости ее к центрам мусульманской культуры — Ирану и арабским странам — эти, не имевшие своей литературы, турки, взяв в качестве примера арабскую и персидскую литературу, пользовались языками этих литератур. Позже, стремясь к популяризации своих религиозно-дидактических произведений среди широких масс, поэты начали писать на местных тюркских диалектах и даже на греческом языке, а среднеазиатская письменная и литературная традиция была забыта. Особенно возросло число произведений на местных диалектах в XIV в., т. е. после падения центральной власти и возникновения в Анатолии многочисленных бейликов. Единый литературный язык сложился там после установления власти османов.

М. Мансуроглу считает, что для правильного, научного решения вопроса о происхождении и развитии тюркского литературного языка в Малой Азии необходимо разносторонне изучать малоазиатско-тюркские памятники XIII в.

Особую ценность статье М. Мансуроглу придает приводимая библиография об этих памятниках.

Вторая интересующая нас статья написана Мухарремом

Эргин⁷⁴. В ней описаны графические (стр. 288—293), фонетические (стр. 293—302) и морфологические (стр. 302—323) особенности языка дивана Бурханеддина Сивасского. Сообщаемые автором статьи сведения ценны тем, что он использовал рукопись, датированную 796/1393 г. Это значит, что она была переписана при жизни поэта. На стр. 323—327 приводятся в транскрипции 30 туюгов из дивана Бурханеддина.

В настоящем обзоре нельзя не сказать о крупном труде Медждуда Мансуроглу «Тюркские стихи Султана Веледа»⁷⁵. Он представляет собой исследование особенностей написания (стр. 43—70), фонетики (стр. 70—89) и морфологии (стр. 89—152) тюркских стихов, содержащихся в «Иптида-наме», «Ребаб-наме» и в поэтическом диване Султана Веледа (1226—1312). В главе «Султан Велед и его тюркские стихи» (стр. 1—9) приводятся биографические сведения об авторе стихов, о том, в каких его произведениях содержатся тюркские стихи, называются их публикации и работы, посвященные их изучению, а также многочисленные рукописи, использованные М. Мансуроглу: 12 рукописей «Иптида-наме», 11 — «Ребаб-наме» и 6 — дивана.

В работе имеется критический транскрипционный текст 367 бейтов названных стихов (стр. 10—42), словарь, в котором слова из памятника снабжены эквивалентами современного турецкого языка (стр. 153—177), и грамматический указатель (стр. 179—196). Приложением к работе служат 99 факсимиле отдельных листов различных рукописей.

М. Мансуроглу не прибегает к сравнению особенностей языка изучаемых им текстов с языковыми особенностями других памятников, а ограничивается внешним описанием, регистрацией особенностей языка и их систематизацией.

В первом томе «*Philologiae Turcicae Fundamenta*» помещена статья М. Мансуроглу «Староосманский язык»⁷⁶. Она представляет собой первый опыт описания особенностей орфографии, фонетики, морфологии, некоторых черт синтаксиса, а также общей характеристики лексики староанатолийско-тюркского языка не на основании данных какого-нибудь одного памятника, а с учетом результатов исследований, проведенных многими учеными, работавшими в интересующей нас области.

⁷⁴ М. Ergin, Kadı Burhaneddin Divanı üzerinde bir gramer denemesi, — TDED, 1951, IV, 3, стр. 287—327.

⁷⁵ М. Mansuroğlu, Sultan Veled'in türkçe manzumeleri, İstanbul. 1958. Рецензию Т. Текина на эту работу см.: «Türk dili», Ankara, 1959, № 88, стр. 233—235.

⁷⁶ М. Mansuroğlu, Das Altosmanische, — PhTF, I, 1959, стр. 161—182.

Автор пишет, что термину «староосманский» он предпочитает термин «староанатолийско-тюркский».

М. Мансуроглу замечает также, что изученность этого «литературного диалекта» все еще нельзя назвать удовлетворительной, что до сих пор не представляется возможным установить ни начало этого диалекта во времени, ни время его перехода в «османский язык», ибо консерватизм письменности и литературный язык осложняют эту задачу.

Большой интерес представляет приводимый на стр. 161—162 список публикаций памятников XIII—XVI вв. и работ, посвященных их лингвистическому изучению.

Говоря об особенностях орфографии староанатолийско-тюркского языка, М. Мансуроглу отмечает, что в ней соединяются две письменные традиции: уйгурская и арабская. Он показывает, в чем они проявляются.

Описывая особенности разных сторон языка, М. Мансуроглу старается вскрыть происходившие в нем процессы, указывает на еще не решенные наукой вопросы. Он подчеркивает, что многие особенности староанатолийско-тюркского языка сближают его с языком орхоно-енисейских памятников, подтверждая тем самым мнение Г. Вамбери, высказанное им в 1901 г.⁷⁷

Исследованию языка уже упоминавшегося выше памятника «Книга моего деда Коркута» посвящена монография азербайджанского ученого А. М. Демирчизаде⁷⁸. Хотя автор считает это произведение азербайджанским памятником, нам представляется более правильной точка зрения, согласно которой оно является «памятником средневекового огузского героического эпоса»⁷⁹. А «со средневековыми огузами в этническом и языковом отношении связаны три современных тюркоязычных народа — туркмены, азербайджанцы и турки. Для всех этих народов эпические сказания, отложившиеся в „Книге Коркута“, представляют художественное отражение их исторического прошлого»⁸⁰.

А. М. Демирчизаде исследует фонетические (стр. 35—58), морфологические (стр. 62—116), синтаксические (стр. 116—142) и лексические (стр. 143—158) особенности языка памятника. Он использовал четыре публикации «Книги моего деда Коркута», но примеры, приводимые в работе, взяты в основ-

⁷⁷ См. выше, стр. 73.

⁷⁸ Ә. М. Дөмирчизаде, «Китаби-Дәдә Горгуд» дастанларынын дили, Баки, 1959.

⁷⁹ «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Пер. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 5.

⁸⁰ Там же.

ном из изданной К. М. Рифатом в 1916 г. в Стамбуле дрезденской рукописи.

Заслуживает интереса глава, посвященная изучению лексической и грамматической синонимии, наблюдавшейся в языке произведения (стр. 23—24). Автор делает вывод о наличии в нем огузских и кыпчакских элементов, а также персидских и арабских заимствований.

Труд А. С. Левенда «Периоды развития и упрощения турецкого языка»⁸¹, хотя и содержит много интересных мыслей и наблюдений по истории анатолийско-тюркского языка, с точки зрения исторической фонетики и грамматики представляет мало интереса, поскольку в нем делаются главным образом внешние наблюдения над историческими изменениями языка: в какое время, в какой степени литературный язык находился под влиянием персидского и арабского языков, каковы были в разные периоды стиль и лексика языка прозы, поэзии, науки. Правда, автор говорит о многих фонетических, орфографических, морфологических и синтаксических особенностях (стр. 24—35, 43—67), но эти описания носят популярный характер и теряют для нас свое значение рядом со специальными лингвистическими исследованиями, о которых говорилось выше.

Работа содержит богатый иллюстративный материал: тексты документов, отрывки из художественных произведений, приводимые в современной турецкой орфографии.

В 1960 г. вышла в свет двухтомная работа Ирен Меликовой, посвященная «Сказанию о Мелике Данышменде»⁸². Первая часть первого тома (стр. 41—170) представляет собой историко-филологическое исследование произведения. Во второй части имеются три раздела: «Введение» (стр. 171—176), «Лингвистические замечания» (стр. 176—185) и перевод «Сказания» (стр. 187—460) по тексту рукописи Национальной библиотеки в Париже (дат. 985/1577 г.). Перевод снабжен историко-филологическими замечаниями автора. Во «Введении» сказано, что для работы привлекались еще три рукописи: рукопись, принадлежащая филологическому и историко-географическому факультету Анкарского университета (дат. 1199/1785 г.); рукопись, хранящаяся в Мунципальной библиотеке (Belediye Kütüphanesi) в Стамбуле (дат. 1016/1607 г.), и Ленинградский список, хранящийся в Государствен-

⁸¹ A. S. Levend, Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri, 2. basım, Ankara, 1960 Рецензию Г. Кисслинга на первое издание этой работы (Ankara, 1949) см.: «Oriens», Leiden, 1951, IV, 2, стр. 302—303.

⁸² I. Mélikoff, La geste de Melik Dānişmend. Etude critique du Dānişmendnāme, t. I. Introduction et traduction, Paris, 1960; t. II. Edition critique avec glossaire et index, Paris, 1960.

ной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (дат. 1032/1622 г.). Здесь же сообщается о девяти известных автору рукописях «Сказания», дается описание наиболее ценных из них.

В разделе «Лингвистические замечания» дана характеристика графики текстов четырех перечисленных выше рукописей и описаны основные фонетические, морфологические и синтаксические особенности языка этих текстов.

Второй том представляет собой критическое издание текста парижской рукописи с указанием разночтений в стамбульской и ленинградской рукописях (стр. 5—291). Текст снабжен словарем (стр. 293—329), после которого следует индекс собственных имен с указанием страниц первого тома, на которых встречаются эти имена (стр. 330—352). В конце тома приводятся факсимиле отрывков из четырех использованных в работе рукописей, всего шесть листов.

Статья турецкого тюрколога Ф. К. Тимурташа «Грамматические исследования по произведениям Шейхи и его современников»⁸³ написана на большом материале, автор использовал значительное количество имеющихся в Турции рукописей и публикаций, содержащих произведения девяти османских поэтов первой половины XV в. Главное внимание он уделил произведениям Шейхи.

Ученый пишет, что уже имеется много исследований анатолийско-тюркского языка XIII и XIV вв., но никто не посвящал свои работы изучению языка первой половины XV в., который, по его мнению, является переходным этапом между «староосманским» и «классическим османским».

Основную часть работы составляют разделы «Фонетика» (TDAY, 1960, стр. 101—144) и «Морфология» (TDAY, 1961, стр. 53—136), в которых читатель находит интересный материал, много заслуживающих внимания мыслей. В статье приводится библиография по истории турецкого языка (стр. 97—101).

Во вступительной части статьи (стр. 95—97) автор вкратце освещает «общее развитие тюркского языка» и определяет «место турецко-тюркского языка» (Türkiye Türkçesi) среди других тюркских языков. Он касается также вопроса о периодизации истории развития анатолийско-тюркского языка и выделяет следующие периоды: староосманский — до середины XV в., затем — классический османский язык до второй половины XIX в., за ним следует период новоосманского языка — до перехода Турции на латинизированный алфавит.

⁸³ F. K. Timurtaş, Şeyhi ve çağdaşlarının eserleri üzerinde gramer araştırmaları,— TDAY, 1960, стр. 95—144; TDAY, 1961, стр. 53—136.

В последние годы исследования в области истории турецкого языка ведутся и в нашей стране.

В работах Э. А. Груниной⁸⁴ содержится анализ глагольных форм по материалам анатолийских письменных памятников. В статье «Соотношение форм настоящего и будущего времени...» с позиций современного языкознания, в частности системного подхода к языковым фактам и принципа асимметричности соотносительных грамматических форм, исследуются формы *-(y)a*, *-ur*, *-(y)isar* в языке XIII—XVI вв. В статье «Форма времени на *-a/-e*» прослеживается судьба формы на протяжении длительного периода — XIII—XVIII вв., отмечается процесс ее отмирания, начавшийся приблизительно в XVI в. и развивавшийся по линии утраты ею временного характера и превращения ее в категорию модального содержания. Обращает на себя внимание следующий вывод автора: «В засвидетельствованную памятниками эпоху форма на *-a* и желательное наклонение существовали как две разные категории, и отождествление их представляется неправомерным»⁸⁵.

В опубликованных работах В. Г. Гузева⁸⁶ предпринята попытка системного изучения фонологии староанатолийско-тюркского языка путем фонологической интерпретации графических особенностей Ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде».

⁸⁴ Э. А. Грунина, Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв., — «Вопросы тюркской филологии», изд-во МГУ, 1966, стр. 74—106; е е же, Форма времени на *-a/-e* по памятникам турецкого языка, — «Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 28—36.

⁸⁵ Э. А. Грунина, Форма времени на *-a/-e*, стр. 35.

⁸⁶ В. Г. Гузев, К вопросу об использовании данных ранних анатолийских тюркских памятников для изучения фонетики языка тюрков Малой Азии XIII—XV вв., — «Исследования по филологии стран Азии и Африки», изд-во ЛГУ, 1966, стр. 37—46; е го же, Опыт фонологической интерпретации некоторых графических особенностей ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде», — «Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова», стр. 37—43; е го же, Фонетика староанатолийско-тюркского языка (по материалам ленинградского списка «Сказания о Мелике Данышменде»), автореф. канд. дисс., 1966, 16 стр., и др.